

УДК 801.316.1:070

О. В. Литвин

Словообразовательный тип "языковой игры" в медиатекстах

В статье рассматриваются семантические и прагматические характеристики окказионализмов — результата действия феномена "языковой игры", наиболее ярко проявляющего себя в современных медиатекстах.

Ключевые слова: незуальное словообразование, окказионализмы, медиатекст, семантическое и прагматическое значение.

В исследовательской литературе последних десятилетий большое внимание уделяется феномену "языковой игры", которая рассматривается авторами в разных аспектах: постмодернистском, ассоциативном, психологическом и т.д. Изучение названного явления в медиатекстах представляется достаточно актуальным, поскольку эти тексты дают большое количество языкового материала, в основе создания которого лежит "игра с языком". Одна из классификаций "языковой игры" дана в монографии С. И. Сметаниной [6]. В основе классификации — способ игры со знаком языка, применяемый создателем текста. Один из типов игры — словообразовательный — весьма популярен в средствах массовой информации. Примеры словообразовательной игры можно проанализировать на материалах газет "Аргументы и факты" (АиФ), "Новая газета" (НГ), "Комсомольская правда" (КП), "Взгляд" и "Московский комсомолец" (МК). Словообразовательная игра связана прежде всего с созданием окказионализмов, в которых ярче, чем в узуальных образованиях эксплицируется результат креативной деятельности человека, обладающего свободой выбора средств познания и интерпретации реальности. Этот тип игры со словом назван Е. А. Земской типичнейшей чертой современного языка. По мнению исследователя, "расцвет незуального словообразования" наблюдается "в языке газет, любых средств мас-

совой информации, устной публичной речи" [3:138]. Изучению инноваций в языке посвящена многочисленная литература. Теоретические исследования Г. О. Винокура [1], Е. А. Земской [3], И. С. Улуханова [8], Р. Ю. Намитоковой [5] легли в основу разработок словообразовательного аспекта речетворчества. Исследование условий появления и функционирования окказиональных образований позволяет определить основные пути развития словообразовательной системы русского языка, динамику и потенциал словообразовательных единиц, проследить действие внеязыковых факторов на семантику и прагматику окказионализмов.

Процесс выбора в речемыслительной деятельности связан с необходимостью использовать те или иные языковые средства. Степень предпочтительности одного языкового средства другому в акте вербального отбора характеризует самого говорящего и его интенции: выбрать — значит выразить свое отношение как к речи, так и к объекту выраженной ею реальности. Толчком для языкового словотворчества служат субъективные мотивы, которые, как правило, репрезентируют общие языковые закономерности. Языковой эксперимент со словом имеет ярко выраженную прагматическую направленность: стремление к более точному выражению своего состояния, желание произвести на адресата сильное впечатление, т.е. вербализовать своё психологическое состояние наиболее полно.

Разветвленная система словообразования позволяет выбрать из огромного количества словообразовательных средств те, что в наибольшей мере отвечают потребностям говорящего в передаче прагматической информации. Прагматический компонент присутствует в эффекте "неожиданности", сопровождающем создание окказионализма. Данный эффект возникает на фоне экспрессивного напряжения, создающегося там, где: 1) имеет место отклонение от общепринятой нормы; 2) ощущается субъективная оценочность, достигаемая за счет словообразовательных средств.

Окказионализмы как факт речи заданы языковой системой. С одной стороны, они репрезентируют ее свойства и прогнозируют новые возможности и тенденции ее развития. С другой стороны, они впитывают особенности культуры, истории и менталитета носителей данного языка, являясь своего рода концентрацией того, что называется "фоновыми знаниями". Окказионализмы отличаются от обычного ("канонического") слова структурным несоответствием словообразовательной системе, ненормативностью, функциональной одноразовостью, экспрессивностью, производностью, необязательностью, или номинативной факультативностью, непредсказуемостью как в лексическом, так и в словообразовательном плане, индивидуальной принадлежностью.

Прагматическая функция окказионализмов актуализируется благодаря вариативности языковой системы, позволяющей говорящему выразить своё речевое намерение разными способами. На современном этапе развития языка, когда его носители обладают огромным запасом языковых средств, особый интерес представляют вопросы, связанные не столько с тем, как отразить то или иное мыслительное содержание, сколько с тем, как отразить его наилучшим образом, то есть решить коммуникативные задачи в самые короткие сроки и с максимальным эффектом воздействия на адресата речи.

Создавая окказиональное слово, автор в большинстве случаев использует узуальную модель, хорошо известную адресатам текста, поскольку словообразовательная игра предполагает, что читателю знакомы "правила игры" с морфемой, со словом. Иначе конечная цель, которую ставят перед собой "организаторы" игры (понимание, активное восприятие текста), не будет достигнута. Включая читателя в словообразовательную игру, авторы медиатекстов стремятся привлечь и поддержать интерес читателя к своему повествованию. Неслучайно большое количество примеров словообразовательной игры обнаруживается нами в заголовках журналистских материалов, например, *"Бомбили"* — НГ от 12.04.2007. Материал снабжён подзаголовком *Американские и российские ученые при поддержке губернатора Камчатки затеяли эксперимент: взорвать под землей 500 тонн взрывчатки и посмотреть, что будет*. Неологизм аналогичен отглагольным именам существительным общего рода типа *вышибала*, *громил* со значением "лицо, которое постоянно или обычно выполняет действие, названное производящим глаголом". Глагол бомбить имеет значение "атаковать с воздуха, сбрасывая бомбы", что не соответствует действию, выполняемому в статье ("взорвать под землей 500 тонн взрывчатки"). Возможно, автор хотел показать тем самым масштаб и разрушительность данного "эксперимента". В неологизме *бом-*

билы сохраняется узуальное значение "лицо по действию", но отсутствует компонент "постоянно или обычно".

Заголовок "**Питерня**" — МК от 11.02.2006 — также снабжён подзаголовком: *Рука Санкт-Петербурга дотянулась до Хабаровска*. Подобрать шифр к данной языковой игре возможно, лишь прочитав весь материал, в котором говорится, что руководящие должности в административных структурах занимают выходцы из города на Неве. Неологизм *питерня* может иметь значение "группа лиц", как и *шоферня, солдатня*, образованные по регулярной и достаточно продуктивной в разговорной речи и в просторечии модели "существительное со значением лица + суффикс -Н-". Однако производящее существительное Питер не выражает значения лица, что позволяет отнести данное словообразование к окказионализмам. Кроме того, возникает и аналогия со словом *пятерня*, ведь не случайно в подзаголовке употреблено слово *рука*. Ср. со знакомыми выражениями *во всём видна рука Москвы; у нас длинные руки*. Таким образом, значение слова *питерня* может быть соотнесено с несколькими моделями и смыслами. Возможно, этого и добивался автор, желая не только назвать явление действительности, но и выразить своё отношение к этому явлению. Достичь этого позволило использование словообразовательной модели, по которой в языке образуются слова со сниженной стилистической окраской.

Новые слова в медиатекстах не всегда рождают многоплановые смыслы и побуждают читателя к размышлению. Иногда автору просто необходимо выразить значение кратко и ёмко — и в ход идут языковые модели, которые легко узнаются и "дешифруются", например: *Легендарный "делатель рейтингов" Валерий Комиссаров* (КП от 23.11.2002); *Михаил Леонтьев. Истеричный телевещатель* (НГ от 13.01.2005). Модель "глагол + суффикс -тель" (во втором неологизме использован ещё и префикс *теле-*) даёт производное существительное со значением "лицо, производящее действие, названное мотивирующим глаголом", ср.: *учитель, воспитатель*. Но оба новообразования дают негативную оценку названным лицам, что отсутствует в узуальных словах.

Иногда оценка связана не со стилистической окраской использованной словообразовательной модели, а с оценочным значением производящего слова, например: *Первая "фанерщица" страны* (заголовок статьи о певице *Аиде Ведищевой*). АиФ от 2.03.2005г. Производящее существительное *фанера* ('пение под фонограмму') имеет негативную окраску, а суффикс *-щиц-* стилистически и оценочно нейтрален.

В отдельных случаях примеры словообразовательной игры представляют собой производные, образованные по моделям, которые регулярны не в разговорной, а в научной речи, например: *В прошлые времена ушлые западные кремленологи умели по анализу содержания журнала "Крокодил" вычислить, какие сюрпризы преподнесет Страна Советов остальному миру*. НГ от 9.01.2007. Неологизм *кремленолог* образован на базе имени собственного Кремль с помощью продуктивного суффикса *-лог*, указывающего на специалиста по тому предмету, который выражен первой частью слова (ср.: *биолог, морфолог*).

Окказионализм *ГЛУПОтворчество* (АиФ от 26.03.2006) — заголовок материала о нелепых законах, которые были приняты Думой — создан по "узнаваемой" словообразовательной модели (ср.: *законотворчество, бумаготворчество*). Но в качестве первого компонента производящей базы используется не существительное (как в узуальном словообразовании: *закон, бумага*), а прилагательное *глупый*, характеризующее законотворческую деятельность думцев. Хотя в качестве первой части может выступать и существительное *глупость*, которое несовместимо логически со словом *творчество*.

Заголовок *Юристы-кулинары* в рубрике *"Жизнеспособность политсубъектов"* (АиФ, 15.05.2006) понять невозможно без речи "источника" — того политсубъекта, который "спровоцировал" авторов рубрики на создание окказионализма. В данном случае это генеральный прокурор Ю. Чайка, сказавший: "Юристов у нас выше крыши, а качества не хватает. У нас даже кулинарные вузы готовят своих юристов". С точки зрения законов словообразования существительное *кулинар*, конечно же, не нуждается в суффиксе *-ист*, но именно благодаря ему слова *юрист* и *кулинарист* уравниваются в морфемной структуре и становятся, таким образом, семантически равнозначными, что наполняет слово "юрист" отрицательной коннотацией.

При образовании новых слов в медиатекстах используется и такое весьма продуктивное в разговорной речи явление, как компрессия (или стяжение): образование простых существитель-

ных с предметным значением на базе словосочетаний с использованием суффикса *-к-*, придающим фамильярно-пренебрежительное значение: *спокойка* (от названия программы "Спокойной ночи, малыши!"), рифмующееся с существительным *койка* и вызывающее соответствующие ассоциации, что, бесспорно, должно вызвать эмоциональную реакцию читателя.

Достаточно активно представлена на страницах газет ещё одна разновидность словообразовательной игры — графическая, в частности, ненормативное использование прописной буквы. Вполне естественно, что прописная буква в новой для нее функции — привлечение внимания — наиболее активно используется в заголовках. Псевдомотивация с помощью графического выделения — новый для русского языка тип языковой игры, получивший распространение в 90-е годы XX в. Как отмечает Е. А. Земская, "подобного рода "игры" служат и порождению окказиональных слов, и созданию окказиональной членимости у обычного слова" [3:79]. Напр.: *Почему наши оПУТАНили Европу?* — АиФ от 17.03.2006 — статья о Брюссельском конгрессе европейских жриц любви (путан), которые озабочены "вторжением" на их рынок девушек из бывших советских республик. *Качество поГОСТИло... и ушло?* — АиФ от 23.11.2008 — статья о качестве современных продуктов. В тексте используется узуальная аббревиатура *ГОСТ*, а также авторский неологизм *гостировать* в форме причастия: *в СССР всё было "гостировано"*. *Конец эпохи РОМАНтизма* — КП от 20.06. 2002 — материал о тренере сборной команды России по футболу Олеге Романцеве. Здесь мы наблюдаем разновидность использования омонимии, в частности, обыгрывание имени собственного, точнее, его части в качестве графически выделенной. Псевдочленение узуальных слов графическими средствами может происходить и на базе паронимии. Поскольку здесь сталкиваются слова, не полностью совпадающие по звучанию, то поле варьирования, несомненно, шире, чем при омонимии. Например, *КРЕМинальный бизнес* — НГ от 24.05.2005 — М. Плисецкая выяснила, что под её именем (без её согласия) выпускается целая серия кремов для ног. К удачным примерам языковой игры можно отнести выделение в слове аббревиатуры *PR*, которая в силу своей популярности удачно вписалась в структуру исходного слова: *Процай, РЯезидент!* — КП от 20.12.2008.

Сегодня публицистический стиль характеризуется открытой оценочностью речи. Отсюда повышенное увлечение языковой экзотикой, включение в текст варваризмов, слов молодежного сленга, создание новых приемов выражения, подверженность моде и языковым увлечениям. Таким образом, газетный текст как одно из проявлений функционирования публицистического стиля является благоприятной почвой для возникновения неологически окрашенных единиц. Так, новообразования *неформашка*, *лениняка*, *марксюк*, *съездюк*, *бизнюк* выдают "пристрастие" говорящего, его пренебрежительное отношение к предмету высказывания, усиливая данное свойство за счет коннотативных аффиксов. Актуализация содержания служебного аффикса достигается путём сочетания с корневым аффиксом, являющимся для него своего рода мини-контекстом.

В окказионализме *олигархята* ("*Это следовало бы сделать нашим доморощенным олигархятам* — Муляку, Козлову, Каракчиеву". — "Взгляд", 8.10.2003) служебная морфема оказывает воздействие на значение корневой, производя новый денотат, но само сочетание двух морфем, вследствие прозрачной внутренней формы, можно назвать коннотирующим, усиливающим тональность насмешки. Сравним вышеупомянутый пример с окказионализмом *эховята* (А. Венедиктов, главный редактор радиостанции "Эхо Москвы": "*А вообще, у нас на "Эхе" 12 совместных детей (то есть сотрудники с сотрудниками переженались, и у них родились "эховята")*". — МК, 5.11.2004). Он образован присоединением словообразовательного форманта *-ят(а)* со значением незрелости к основе неодушевленного существительного *эхо* (с использованием интерфикса *-в-*), что нарушает семантические ограничения в сочетаемости морфем.

В качестве вывода можно отметить, что морфемы, помимо денотативного, актуализируют также коннотативное, или прагматическое, значение. Этой особенностью обладают не только корневые, но и служебные морфемы. По степени семантической и прагматической информативности выделяются наиболее автономные в коммуникативном плане лексемы и окказионализмы, значение которых выводится из контекста и базы фоновых знаний. Аллюзия как средство языковой игры обладает огромными возможностями формирования прагматического созначения окказионализмов. Оценочность окказионализмов предполагает экспликацию положительного или отрицательного отношения к объекту высказывания. Мы отметили, что на-

блюдається значительне преобладання одиниць з пейоративної оцінкою, що мають більшу експресивність.

Словотворчість передбачає роботу з будівельним матеріалом мови. Російська мова завдяки своєму синтетизму надає широкі можливості комбінування морфем. За зауваженням М. Н. Епштейна, завдяки "морфологічній одареності" російської мови кожен корінь у поєднанні з префіксами та суфіксами "може заіграти багатьма смисловими відтінками, як тонко огранений алмаз" [9: 58]. Це відбувається тому, що в окказіональному слові чітко проявляється діяльний характер словотворчості. З урахуванням того, що морфема одного виду може в принципі поєднатися з будь-якою морфемою іншого виду, виникає проблема, яка полягає не в технічній можливості окказіонального утворення, а в тому, чи має воно сенс, чи відомо про його виникнення необхідність позначити нову реальність або висловити якусь-то емоцію. Мовна виразність реалізується в стилізованому "ефекті новизни", в прагненні до незвичності, свіжості слів і, крім того, в прагненні уникати повторень одних і тих же слів, конструкцій в межах невеликого контексту. Також слід відзначити, що прагнення до економії мовних засобів і більш точної, лаконічної та образної передачі думки диктує необхідність "свертывания" ідей в одне слово.

1. Винокур Г. О. Культура мови: Очерки лінгвістическої технології. — М., 1925.
2. Ефремова Т. Ф. Тлумачний словник словотворчих одиниць російської мови. — М., 2005.
3. Земська Е. А. Активні процеси сучасного словотворчості // Російська мова кінця ХХ століття (1985-1995). — М., 2000.
4. Мокиєнко В. М., Нікітіна Т. Г. Тлумачний словник мови Східної Європи. — М., 2005.
5. Намітокова, Р. Ю. Окказіональне слово на газетній стрічці: механізми експресивності / Р. Ю. Намітокова, І. А. Нефляшева. — Красноярськ, 2005.
6. Сметаніна С. І. Медіатекст в системі культури (динамічні процеси в мові та стилі журналістики кінця ХХ століття). — М., 2002.
7. Телія В. Н. Коннотативний аспект семантики номінативних одиниць. — М., 1986.
8. Улукханов І. С. Словотворча семантика в російській мові та принципи її описання. — М., 2007.
9. Епштейн М. Н. Ідеологія та мова (Будова моделі та осмислення дискурсу) // Проблеми мовознавства. — 1991. — № 6. — С.19-33.

O. V. Litvin

THE WORD FORMATION TYPE OF THE "PLAY ON WORDS" IN MASS-MEDIA TEXTS

Semantic and pragmatic characteristics of the occasionalisms as a result of "play on words" phenomenon, showing itself in the contemporary mass-media texts were analysed in the article.

Key words: occasionalisms, mass-media text, pragmatic meaning.

О. В. Литвин

СЛОВОТВОРНИЙ ТИП "МОВНОЇ ГРИ" В МЕДІАТЕКСТАХ

У статті розглянуто семантичні та прагматичні характеристики окказіоналізмів, що виникли внаслідок дії феномена "мовної гри", який найяскравіше виявляє себе в сучасних медіатекстах.

Ключові слова: неузалежне словотворення, окказіоналізми, медіатекст, семантичне та прагматичне значення.